

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН, ИСТОРИЯ ПОЛОВ

Gisela Bock. Geschichte, Frauengeschichte, Geschlechtergeschichte // Geschichte und Gesellschaft, 1988, Bd. 14, Nr. 4, S. 364–391.

© Vandenhoeck und Ruprecht, 1988

Перевод В.И.Рубцова

І. ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ И В ИСТОРИОГРАФИИ

В 1979 г. историк А.Скотт, ставшая пять лет спустя президентом Организации американских историков, написала заметку “Место женщины – в исторических книгах” (Scott, 1984). Это было не просто описанием фактов, а настоящим вызовом. Ведь в обычной историографии историей считалось нечто такое, что делалось мужчинами, то, что они переживали и о чем писали. Накопленный в истории мужской опыт идентифицировался со “всеобщей историей”, с “историей в целом”. К такому выводу пришел, например, в 1911 г. Э.Фютер, автор известной и до сих пор не устаревшей “Истории новой историографии”. В первой главе он исследовал истоки современной историографии, возводимые им к XIV в.: к Франческо Петрарке с его “Liber de viris illustribus” и Джованни Боккаччо, который как бы уравновесил биографии мужчин, написанные Петраркой, собранием биографий женщин “De claris mulieribus”. Сравнение этих сочинений побудило Фютера заявить: “Удивительна сама мысль о том, что Петрарка говорит только о мужчинах. Ради справедливости или из галантности стоило бы добавить и женскую половину”. Но Петрарку интересовали – в связи с проблемой “военного и политического величия древнего Рима” – не столько мужчины, сколько “полководцы и государственные деятели”. Боккаччо же со своими жизнеописаниями женщин “вообще покинул область истории” (Fueter, 1925, S.6ff; ср. Hughes, 1987).

Вопрос о роли женщин в исторической науке также был поставлен задолго до наших дней, поскольку история женщин и создавалась главным образом женщинами. Мы имеем в виду неизвестную до недавнего времени главу истории женщин, а также главу истории историографии, не вошедшую в многочисленные труды, посвященные этому предмету. Историей женщин-историков в Соединенных Штатах впервые занялась в 1975 г. К.Скляр; в 1980 г. о роли женщин в исторической науке Франции и Англии писала Н.Дэвис, в то время президент Американской исторической ассоциации, в 1984 г. тот же сюжет применительно к Франции, Англии и Соединенным Штатам осветила Б.Смит, в 1983 г. о Франции написала К.Оффен, в 1985 г. об Англии –

Дж.Тирск (Sklar, 1975; Davis, 1980; Smith, 1984a; Smith, 1984b; Offen, 1983; Thirsk, 1985). Женщинами немало написано о роли женщин в истории прежде всего в период с конца XVIII вплоть до XX столетия, и иногда эта роль раскрывалась как “власть, присутствие”: к примеру, в 1832 г. у А.Джеймсон (цит. по: Smith, 1984a, p.716). По материалам Германии подобных исследований еще нет. Возможно, это – запоздалое следствие того, что именно здесь были заложены основы современной научной историографии. В Германии с конца XIX в. тоже появлялись диссертации по истории, написанные женщинами и нередко посвященные истории женщин¹. Однако эти давние пробы пера не привлекли внимания академической историографии и были “забыты” в период между 1930-ми и 1960-ми годами. С тех пор место женщин в историографии стало, в сущности, определяться словами, обычно завершающими предисловия к многочисленным историческим трудам: “Но без Маргарет Х, чьи страдания близки всем женам ученых, без ее самопожертвования, терпения и никогда не изменявшего ей чувства юмора эта книга никогда не была бы написана” (см. Hoder-Salmon, 1978; Vock, 1986a).

Со второй половины 1960-х годов вопрос об истории женщин зазвучал вновь, во многом инициированный новым женским движением. Потребовалось много времени и сил уже для того, чтобы доказать актуальность или даже просто законность такой постановки вопроса, чтобы допустить саму мысль о том, что история есть не только у мужчин, но и у женщин. В 1973–1974 гг. в одном из университетов Парижа читался курс на тему: “Есть ли у женщин своя история?” Тогда же лекцию на тему “Существует ли история женщин?” в Оксфордском университете прочел историк К.Деглер (Degler, 1975). На поставленный вопрос Деглер ответил утвердительно: “Да, у женщин есть история”. Это событие весьма удачно совпало с изменением в поведении его коллег по университету. До тех пор отдававшие предпочтение исключительно мужчинам, они открыли двери университета женщинам. В 1983 г. в Германии был издан сборник “Женщины ищут свою историю”, а в 1984 г. во Франции вышел еще один сборник: “История женщин – возможна ли она?” (Hausen, 1983; Perrot, 1984). Чисто внешним ответом на этот вопрос явилось значительное и постоянно растущее число публикаций на данную тему. В настоящее время имеются не только библиографии женских научных трудов вообще и работ по истории женщин в частности, но и библиографии подобных библиографий (Williamson, 1979; Ritchee, 1980; Sveistrup und Zahn-Harnack, 1984; Deutscher Akademikerinnenbund, 1982; 1983–1987; Frey, 1982; Pomeroy, 1984; Gilbert and Tatla, 1985; “Women's Studies Abstracts”, 1972ff; “The Women's Review of Books”, 1983ff). О том, какой путь пройден лишь за

¹ Первая написанная женщиной диссертация по истории в Германии: Gebser, 1897; ср. Heineken, 1909. В Германии до сих пор наблюдалось не присутствие, а отсутствие женщин в историографии: Puhle, 1981.

одно десятилетие – прежде всего в Соединенных Штатах, но не только там, – свидетельствуют два журнала, в которых были опубликованы упомянутые статьи о женщинах-историках: работа К.Скляр появилась в 1975 г. в основанном незадолго до этого журнале “Feminist Studies”, а работа Б.Смит – в 1984 г. в “American Historical Review”. Последний журнал посвятил “истории женщин” один из своих номеров, причем участвовавшие в нем авторы принадлежат к новому поколению женщин-историков. Среди журналов нефеминистского направления, издающихся в других странах, на подобный дубль, т.е. выпуск номеров, посвященных истории женщин и с авторами из числа женщин-историков, открыто отважились до сих пор лишь “Quaderni Storici” в Италии, “Schweizerische Zeitschrift für Geschichte” в Швейцарии, один шведский и два датских журнала².

Однако этот долгий путь имеет не только внешнюю, но прежде всего внутреннюю историю, которая еще далека от завершения, – историю размышлений на тему о том, что такое история женщин или чем она может быть, каково ее воздействие на остальную историографию и ее соотношение с действительно всеобщей историей, т.е. с такой историей, в которой женщины и мужчины представлены в равной мере. Некоторые из этих размышлений будут изложены ниже. Естественно, они несут на себе отпечаток моего собственного опыта историка.

II. ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

Вопрос о женщинах в истории с самого начала заключался не только в том, чтобы заполнить пробелы в исследовательской работе и найти надлежащее место соответствующим историографическим категориям, но и в том, чтобы по-новому взглянуть на “историю в целом”. У недавно умершей Дж.Келли, занимавшейся эпохой Ренессанса, есть знаменитое выражение, опубликованное более 10 лет назад в первом томе журнала “Signs: Journal of Women in Culture and Society”: “Дело не только в том, чтобы «вернуть истории женщин», но прежде всего в том, чтобы «вернуть женщинам историю»” (Kelly-Gadol, 1976, p.809). Таким образом, речь идет не только о женщинах в истории, но прежде всего об истории женщин, об их историческом опыте – иначе говоря, о такой истории, которая хотя и зависит от истории мужчин, но все же является историей особого рода, историей женщин как женщин. Женщины оставались незамеченными главным образом потому, что казалось, будто они, их опыт, их деятельность, их сфера жизни не представляют исторического интереса. Поэтому новый подход должен был перевернуть иерархию исторически важного и неважного; возникли новые ви-

² “Quaderni Storici”, 1980, no.44: “Parto e maternita: momenti della biografia femminile”; “Schweizerische Zeitschrift für Geschichte”, 1984, Nr.34: “Frauen: Zur Geschichte weiblicher Arbeits- und Lebensbedingungen in der Schweiz”; “Historik tidskrift”, 1980, no.3; 1987, no.1; “Historievidenskab”, 1980, no.21; “Denjyske Historiker”, 1980, no.18.

дение и оценка того, что женщины сделали, что они хотят сделать и что они должны делать. Многочисленные, дающие богатую пищу для размышлений и в то же время противоречивые исследования в отдельных областях не поддаются обобщению с точки зрения их содержания (см., например: Davis, 1976; Johansson, 1976; Rogers, 1978; Lerner, 1979; Sicherman, 1980; Perrot, 1981; Lewis, 1981; Fox-Genovese, 1982; Hufton and Scott, 1983; Opitz, 1985; "Memoria", 1983, no.9: "Sulla storia delle donne"; "Nuova donnawomanfemme", 1983, no.22: "Percorsi del femminismo e storia delle donne"; Berti, 1985; Dauphin, 1986). И все же в определенном смысле их можно свести воедино. Как недавно сказала М.Альбистур, "ткань истории женщин, по всей видимости, соткана не менее плотно, чем ткань истории мужчин. Но отныне позволительно задаться вопросом: течет ли время для женской половины человечества в том же ритме, как для мужчин, и воспринимается ли оно таким же образом" (Albistur, 1982, p.2; см. также "Pénélope", 1985, no.12: "Mémoires des femmes"; 1985, no.13: "Vieillesse des femmes"). У женщин действительно есть своя история – иная, чем история мужчин. И она заслуживает исследования не в последнюю очередь именно из-за этой своей "специфичности". При этом отличие истории женщин от истории мужчин не означает, что она менее важна или является лишь "особым случаем", "частной проблемой" обычной истории. Подобный взгляд, появившийся одновременно с началом исследований женской проблематики, отразил подчас прямо-таки инфляционное употребление понятия "специфически женский" ("specifically female", "la specificite feminine", "la specificita femminile"). На самом деле хотя "история как таковая" является в основном "специфически мужской", тем не менее история женщин должна считаться всеобщей в той же мере, как и история мужчин.

Самостоятельный характер истории женщин, ее "специфичность" по сравнению с историей мужчин иногда понимались таким образом, что, мол, история всех женщин одинакова в своей основе. (Эту гипотезу ни в коей мере нельзя относить только на счет близорукости феминистского движения, пытающегося найти корни солидарности женщин в общности их истории; к авторам гипотезы принадлежат также историки нефеминистского и даже антифеминистского направления.) Исторические исследования о женщинах, однако, все отчетливее показывали, что история женщин многолика, что отнюдь не все женщины имеют одинаковую историю. Особенности, различия, "неодинаковость" истории женщин и мужчин были дополнены историческим исследованием особенностей, различий и "неодинаковости" в истории самих женщин. Именно этой теме итальянский журнал "Memoria", специализирующийся на вопросах истории женщин, посвятил один из своих номеров за 1981 г. ("Memoria", 1981, no.2)³. Иначе говоря, утвержде-

³ Ср.: Di Cori, введение к "Memoria", 1985, no.15. О роли "sameness" ("одинаковости") и "difference" ("различия") в женской истории см. Davis, 1985.

ние о том, что мировосприятие, опыт или положение в мире одинаковы для всех женщин, не соответствует исторической реальности. Расхожие заголовки типа “Женщина в античное время”, “Женщина в средние века” или “Женщина в нацистском государстве” вводят в заблуждение. Историю женщин можно понять только во множественном измерении, а не в одном-единственном.

В процессе исследований были поколеблены некоторые представления, первоначально вдохновлявшие на изучение истории женщин. К таковым относятся, например, представление об одинаковом во все времена угнетении женщин мужчинами, а также телеологические версии о постоянном прогрессе в положении женщин или же, наоборот, об утерянном женском рае. История женщин схожа с историей мужчин в том, что она столь же комплексна и сложна и в ней столь же мало прямолинейности, логики и связности. Выявить многообразие женского опыта и жизненных ситуаций – как в культурном, так и в историческом плане – стало возможным прежде всего потому, что исследование истории женщин ориентировалось на все сферы деятельности и социальные группы общества: на те, где подвизаются только женщины (например, женские организации, женская культура, современное домашнее хозяйство); на те, где женщины преобладают (например, ведовство или социальная помощь беднякам), на те, где женщины представлены наравне с мужчинами (семья, секс, классы, молодежь и старики, этнические меньшинства); на те, где женщины находятся по сравнению с мужчинами в меньшинстве (фабричный труд, потребление сексуальных услуг, историческая наука); и на те, где они отсутствуют (например, “всеобщее” участие в выборах в XIX в.).

Подводя итоги, можно констатировать: у женщин есть своя история. Многообразная и различная для всех женщин, она все же размещается в границах комплексной истории женского пола. В качестве примера можно привести один сюжет, который с некоторого времени изучается многими историками-женщинами. В XVI в. в Италии родились новые формы заботы о бедных. До сих пор в историографии по этому вопросу исследовалась почти исключительно тема изгнания из городов “здоровых”, “пришлых” и “мнимых” нищих, причем исследователи усматривали здесь изменение отношения к бедности: бедные считались уже не последователями Христа, а грешниками. Но более точные данные показали, что “здоровые”, “пришлые”, “мнимые” нищие были почти исключительно мужчинами, а главным в количественном отношении объектом заботы о бедных являлись нищие женщины. Их не изгоняли, а интернировали в создававшихся консервационных центрах, и изменение отношения к бедности проявлялось здесь иначе, чем в случае нищих-мужчин. Женская бедность квалифицировалась как потеря или угроза потери женской чести. Эта “*opore femminile*” была социальной ценностной меркой, которая применялась и к остальным женщинам. Таким образом, история женщин в области заботы о бедных в начальный период нового времени была иной, чем у мужчин.

Конечно, речь идет об опыте не всех женщин, а лишь их меньшинства; но опыт этого меньшинства был взаимосвязан с социальным обликом и реальным социальным положением женского пола в целом (ср. Вокс, 1985; см. также “Quaderni Storici”, 1983, no.53; Cavallo, 1980; Ferrante, 1986; Lombardi, 1988; Hunecke, 1983).

Если рассмотреть перспективы и результаты нового направления в историографии – истории женщин – с учетом вызова, брошенного с его появлением традиционному взгляду на прошлое, то мы увидим здесь одновременно черты старого и нового. Старо, например, стремление взглянуть на прошлое несколько по-иному – в частности, таким образом, чтобы этот взгляд отражал мироощущение данного историка и ситуацию, в которой он находится. Так, уже в середине XVIII в. развернулась дискуссия по вопросу о социальной обусловленности историографических оценок. Йохан Мартин Хладениус писал тогда, что если к какому-либо событию, например мятежу, выразят свое отношение “верноподданный”, “мятежник”, “иностранец”, “бюргер или крестьянин”, то результаты будут неодинаковы. Ибо “то, что происходит в мире, воспринимается различными людьми по-разному”, в зависимости от “состояния их тела, их души и всей их личности”. Соответственно существуют разнообразные “точки зрения на один и тот же предмет” и “из понятия точки зрения следует, что лица, рассматривающие предмет с различных точек зрения, должны иметь и разные представления о предмете” (Chladenius, 1969 [1742], S.185; 1752, S.188ff; ср. Koselleck, 1975, S.696ff; 1984).

Двумя столетиями позже, размышляя о различного рода кризисах исторической науки, Дж.Покок выразил эту идею в более общем виде. В своем исследовании он пришел к выводу, что “историография является формой мышления, основывающегося на знании общественных структур и процессов” и что поэтому “у любого общества может быть столько вариантов прошлого и видов зависимости от этих вариантов, сколько связей с прошлым существует в обществе... Знание общества о своем прошлом множественно, а не единично” (Россок, 1961, p.211–213, 244). Решающее значение для возникновения новых направлений историографии имеет, по его словам, появление проблемы, которая ставит под вопрос или даже совсем разрушает обычно не подвергаемое сомнению отношение настоящего к прошлому, ведет к новому осознанию преемственности и прерывности и к вопросам типа: “Как прошлое стало настоящим?” и “Почему настоящее должно следовать за прошлым?” (Россок, 1961, p.245, 213).

В этом отношении возникновение новой истории женщин напоминает предшествовавшие революции в историографии. Однако Покок показывает и специфику нового направления, утверждая, что условия для него создала именно революция XIX в. в историографии. Появление историзма и научного метода сделали возможным “применение исторического подхода к каждой области человеческой жизни и к человеческому опыту в целом”. Между тем эти возможности оставались

ограниченными только опытом половины человечества; полная же реализация поставленных задач потребовала исследования истории женщин – и не просто в смысле подключения “лучшей половины”, а с учетом сформулированной Пококом концепции множественности прошлого. “Нет априорной причины для того, чтобы эти различные знания слились в единое знание”, – пишет он, так как они порой столь сильно отличаются друг от друга, “что их интеграция будет очень сложна в интеллектуальном отношении – даже тогда, когда она станет социально возможной и желательной”. В следующем разделе речь пойдет о том, что, несмотря на открытие истории женщин и признание ее отличия от истории мужчин, предпринимались попытки увязать между собой различия в их отношении к своему прошлому (а также аналогичные различия, существующие между разными женщинами, равно как и между мужчинами). В результате проблема соотношения истории женщин и “истории в целом” конкретизировалась.

III. ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН И ИСТОРИЯ ПОЛОВ

Многие размышления на эту тему начинались с констатации того, что женщины составляют половину человечества, а в некоторых странах и в отдельные времена даже больше половины. Эту констатацию можно назвать как угодно, но только не банальностью. Не случайно одна серьезная книга о новейшей историографии женщин так и называется “Большинство находит свое прошлое” (Lerner, 1979). С точки зрения метода упомянутая констатация означает, вообще говоря, следующее: вопрос о состоятельности истории женщин, если ее рассматривать отдельно от общей истории, столь же правомерен, как и вопрос о состоятельности истории мужчин и особенно достоверности всеобщей истории, если их рассматривать в отрыве от истории женщин. Следовательно, история женщин затрагивает не только половину, но и все человечество в целом. Может быть, самый важный прорыв в попытках соотнести историю одной половины человечества с историей другой и каждую из них с “историей в целом” произошел благодаря концептуальному взгляду на женщин как на социальную группу. Соответственно и мужчины стали восприниматься как определенная гендерная группа. С середины 70-х годов “пол” (gender, genre, genere, geschlecht) рассматривается как основополагающая категория восприятия и исследования социальной, культурной и исторической реальности. А это означает, что всеобщую историю следует рассматривать и как гендерную историю, т.е. как историю интергендерного взаимодействия. До последнего времени категория “пол” (gender) не относилась к базисным терминам историографии. Так, в фундаментальном труде “Основные исторические понятия”, издающемся с 1970-х годов, рядом с такими понятиями, как, например, “труд”, “раса”, “революция”, нет пресловутой категории “пол” – так же, как слова “женщина” и даже “мужчина”. В “Историческом словаре филологии” 1974 г., несмотря на многовековые рассуждения философов о

полах, отсутствует сама дефиниция “пола”, а в рубрике “Сущность пола” упоминаются клеточная плазма, гены и гормоны (Ritter, 1974, S.443). И то и другое – как устранение понятия пола, так и его сведение к кажущемуся естественно-научному содержанию – было опровергнуто исследованиями по истории женщин и истории полов. Необходимо заново разработать категориальный аппарат и рассмотреть предпосылки и следствия истории сквозь призму гендерной проблематики. Ниже будут затронуты отдельные аспекты дискуссии по проблемам пола: мотивы, приведшие к пониманию пола как социальной, культурной и исторической категории, и соответствующие представления об исторической реальности, с которой приходится иметь дело историкам (и не только им).

1. Пол как социальная, культурная и историческая категория

По мере того как в последние годы утверждалось новое отношение к полам, пол уже больше не мог восприниматься просто как некая очевидность, т.е. как заведомо известный элемент так называемой фактической реальности, как априорная данность или как не требующее объяснений явление природы. Теперь принято считать, что люди во всех известных нам обществах различали гендерно обусловленные типы поведения и деятельности; что дифференциация по гендерному признаку существует буквально во всех сферах, хотя конкретное определение этих сфер не во всех обществах одинаково, т.е. оно не универсально. Положение женщин столь же многовариантно, как и положение мужчин. Чрезвычайно разнообразно в историческом и культурном отношении конкретное содержание женского или мужского бытия, причем сама грань между бытием женщины и мужчины не является жесткой. Исследователи постигли, что дифференциация по полу и гендерная иерархия, т.е. властные отношения между мужчинами и женщинами, – это два разных вопроса. Дифференциация и иерархия не всегда и не обязательно связаны друг с другом и тем более не идентичны. Так, к примеру, разделение труда по признаку пола не означает *per se* разделения власти по тому же принципу. И отнюдь не всегда иерархия принимает одинаковые формы со сходным содержанием и значением. Наконец, стало очевидным, что восприятие мира исследователями и исследовательницами, в большинстве своем западноевропейского и североамериканского происхождения, отмечено печатью сложившихся в их родной культуре взаимоотношений полов, взглядов на положение и эмансипацию женщин, а также распространенного этно- и евроцентризма. Бытующие сегодня взгляды и представления о полах являются в значительной мере продуктом исторического (начиная с XVIII в.) развития в области культуры, науки и взаимоотношений полов (см., например: MacCormack and Strathern, 1980; Rogers, 1978; Ortner and Whitehead, 1981; Segalen, 1980; Rapp, 1979; Lamphere and Rosaldo, 1974; Mathieu, 1978). Осознавая это, мы рассматриваем пол и гендерные отношения как социальные, политические, культурные ве-

личины, несводимые ни к внеисторическим феноменам, ни к единственной, “изначальной” или “имманентной” причине.

Если пол рассматривается как категория, то под этим понятием подразумеваются: а) способ восприятия и исследования людей; б) аналитический инструмент, помогающий нам заглянуть в малоизученные области истории; в) абстрактная форма социального и культурного анализа. Введение категории “пол” бросает вызов так называемому феномену гендерной слепоты традиционной историографии. Против этого феномена выдвигается теперь следующее возражение: “Второй натурой историка должна была бы стать такая же готовность к изучению последствий, вызываемых наличием гендерной стратификации, как, например, к изучению последствий, вызываемых разделением общества на классы” (Davis, 1976, p.90). При этом важно, чтобы именно понятие “пол” имело “специфический контекст” и “контекстуальную зависимость” или же воспринималось таким образом. Об этом шла речь, например, в выступлениях Дж.Флэкс на конгрессе женщин-историков в Италии в 1982 г. и на Берлинском конгрессе Немецкого общества по изучению Северной Америки в 1984 г. (Flax, 1986, p.193–213, 221). Дело не в том, чтобы выдвинуть в качестве постулата некий универсальный принцип – будь то разновидность “феминистской одержимости” или, например, марксистский метод, который пытается сводить все социальные феномены (и не в последнюю очередь взаимоотношения полов) к “политэкономии”, к отношениям между средствами и способами производства, между наемным трудом и капиталом или между классами. Категорию пола, хотя она и предоставляет широчайшие возможности познания практически всех исторических явлений, не следовало бы воспринимать как неизменную, универсальную и овеянную ореолом мистицизма конструкцию, предназначенную для объяснения всего происходящего в истории. Она служит не для того, чтобы сводить историю к какой-либо модели, а для выявления в истории разнообразия и изменчивости. Пол является “категорией” не в смысле обобщающей формы выражения понятия, а в первоначальном смысле этого греческого слова, означающего “публичное несогласие”, публичное обвинение, словопрения, протест, процесс в двойном смысле этого слова (Heinrich, 1981, S.36ff, 195).

Это несогласие направлено прежде всего против “биологизации”, в результате господства которой утвердилось неизменная, односторонняя и тормозящая познание модель. Серьезное отношение к полу как социально-культурной категории требует покончить с биологизацией самого понятия “пол” и отказаться от соответствующего понятийного аппарата, т.е. от биологического обозначения пола или от восприятия женского тела, сексуальности, половых органов, родов или материнства как “биологии”⁴. Примером того, как можно заниматься темой, ка-

⁴ Насколько слаб еще такой подход, показывает, например, школьное образование в Федеративной Республике Германии, где половое воспитание

сающейся в основном женского тела, не прибегая к помощи “биологии”, служит книга Мирей Лаже (Laget, 1982; ср. также Thébaud, 1986b, особ. р.7, 287–291). Если же в подобных исследованиях говорят о “биологии”, то это слово не означает, как можно было бы подумать, нечто не-социальное, до-социальное или даже естественно-научное; напротив, оно само является чисто социальной категорией с соответствующим смысловым содержанием, сформировавшим понимание пола и гендерного взаимодействия на протяжении жизни всего нескольких поколений. Слово “биология” применительно к гендерной проблематике вошло в оборот примерно с 1900 г.; до этого же не было никакой “биологии”, а выражения, которые прежде использовались в отношении женского пола (“сотворенное Богом”, “вечно женское”, “женская природа” или “женское существо”), имели другой исторический контекст и лишь отдельными своими элементами были похожи на современную гендерную “биологию”⁵. Чисто социальный характер самой категории “пол” следует, например, из того факта, что она включает в себе очевидный предрассудок, поскольку обычно употребляется лишь применительно к женщинам. Еще задолго до того, как появился “биологический подход”, Жан Жак Руссо выразил нечто подобное в социально-культурных терминах: “Мужчина проявляет мужество только в отдельные моменты, женщина остается женственной на протяжении всей своей жизни” (он был достаточно осторожен, чтобы сделать одно небольшое, но многозначительное добавление: “или, во всяком случае, всей своей молодости”) (Rousseau, 1971, р.245)⁶.

Гендерная “биология”, кроме того, наделена особым социальным оттенком со специфическим содержанием, которое отличает ее от прежних характеризующих пол категорий, так как она является оценочным понятием, а точнее – метафорой для выражения “неполноценности”. Это проявляется, например, в том, что именно те сферы жизни и деятельности женщин, для анализа которых употребляется данное понятие, считаются в обществе второстепенными: роды, воспитание детей, домашняя работа. В отличие от сфер мужской деятельности, они не считаются трудом, хотя, например, в традиционной гинекологии ходячим *terminus technicus* [техническим термином (лат.)– *Прим. пер.*] является понятие “детородная работа”, а слово “роды” в английском, французском и итальянском языках сочетается со словом труд (*labour, travail, travaglio*). Столь дискриминационное употребление понятия “биология” основано на предположении, что, как пишет Ламберт, “различия между людьми оправдывают со-

преподается в рамках предмета “биология”; об этом же свидетельствует работа Rodenwaldt, 1957.

⁵ О естественно-научных аспектах изучения пола см.: Fausto-Sterling, 1986; Keller, 1985; Bleier, 1984; Lowe and Hubbard, 1983.

⁶ О комплексном и меняющемся видении полов и их отношений у Руссо см.: Elshain, 1981, Kap.4; 1986, Kap.4; Bloch and Bloch, 1980, p.25–41; Schwartz, 1984; Tomaselli, 1985.

циальное неравенство. Биологические... различия часто считаются более естественными основаниями социального неравенства, чем различия, обусловленные обществом: последние имеют больше прав на особую компенсацию". Конечно, в физическом отношении женщина, если подходить к ней с мужскими мерками, "неравна" и "неодинакова", но почему она должна быть отмечена за это клеймом "неполноценности"? Совершенно очевидно, что хорошее отношение к "другим", с их "иным" физическим бытием, будь то женщины или мужчины, требует не только "гораздо больших усилий, но и обходится дороже". "Биологическая" проблема оказывается проблемой социальных и культурных отношений между полами, ибо "положение, когда социальный вклад женщин (забота о детях, домашняя работа, работа в местной общине) оплачивается лишь опосредованно, через доходы мужа, не может быть оправдано ни морально, ни практически тем фактом (да и факт ли это?), что женщины в силу своей биологии лучше справляются с работой по уходу за детьми, чем мужчины" (Lambert, 1978, p.115ff). Оценочное, в первую очередь, содержание понятия "биология" проявляется также и в том, что "биологический" подход распространился не только на женщин, но и на ряд других общественных по своей сути явлений, которые, однако, выводились за рамки социального: например, на вопросы о "помешанных" и "придурковатых", о больших, о жизни и смерти, о телосложении, об этнических группах или расах. Особенно много о сексистском содержании "биологии" мы можем узнать из истории ее расистского понимания, поскольку оба направления развивались параллельно и имеют много точек пересечения.

Ясно, что черные "одинаковы" с белыми в физиологическом отношении не по всем параметрам – по одному из параметров они "иные"; также ясно, что женщины "одинаковы" с мужчинами физиологически не во всех отношениях – они "иные" по четырем или пяти параметрам. Но "иное" в некоторых физиологических аспектах бытие не может служить ни основанием, ни объяснением существующих отношений между белыми и "чужими" расами и между одним и "другим" полом: "Биология нема" (Rapp, 1979, p.503). Физиологические различия отнюдь не являются основанием для сексизма и расизма; различия в некоторых физиологических аспектах используются лишь для легитимации архаичных социальных отношений господства. Эти отношения имеют прежде всего социально-культурное содержание, причем "биология" расовых и гендерных различий сама является социально-культурным продуктом. "Различия" – это метафоры для обозначения иных (или якобы иных) форм жизни. У современного расизма и современного сексизма сходные структуры аргументации, символизированные в социальной категории "биология". Общественная группа, обозначаемая как "чужая" или "другая", получает свидетельство о "неполноценности" и лишается не только права на "равенство", но (что, может быть, важнее) и права безнаказанно оставаться "чужой" или

“другой”, т.е. жить иначе (или мнимо иначе) в физическом, духовном и психическом отношениях по сравнению с группой, которая устанавливает культурные нормы и ценности (Wock, 1986b, S.61, 370).

Доклады мужчин в секции “Антропология” на немецком Конгрессе историков в Берлине в 1984 г. свидетельствовали о новейших попытках биологов и историков искать и, конечно же, находить в истории “биологию”. (Между прочим, рядом с ними впервые работала секция женщин-историков по теме “Сферы женского бытия”, где о “биологии” не было и речи.) В “биологическом ракурсе” рассматривались следующие проблемы: историческое понимание пространства и времени, негативные реакции на “существа иного рода”, “гендерный дуализм” общества, женское движение в борьбе за мир в недавнем прошлом, эмоциональность и интеллект, субъективное измерение в истории, история быта, “язык тела” и, наконец, отношения между женщинами. Последняя тема, хотя и стала с недавних пор популярной областью исследований, посвященных женщинам, до тех пор не имела в Германии доступа в академическую историческую науку⁷.

В исследованиях по женской проблематике, выдержанных в русле феминизма, подход к женскому телу тоже часто отождествляется с “биологией”. Это реализуется либо в противопоставлении биологического понятия “пол” (sex) и социального понятия “пол” (gender), либо в гипотезе о “трансформации простого биологического понятия “пол” – sex в социально обусловленное понятие “пол” – gender, либо в версии об устранении женской “биологии” с помощью “биологической” технологии (например, пробирочные дети) и о возникающем в результате “равенстве” (Firestone, 1970; Rubin, 1975; критику этих взглядов см., например, в: Flax, 1983). Подобная дихотомия утвердилась и получила распространение прежде всего в США с середины 1970-х годов, но она остается весьма спорной. Одна французская женщина-историк считает, что освобождению женщин “препятствует” прежде всего их “биологическая предопределенность”. Поскольку именно она – источник господства мужчин, женщинам следовало бы освободиться от своей “биологии” (Knibiehler, 1987b, p.55).

Однако ценность подобных воззрений весьма сомнительна. И не столько по политическим причинам, сколько из-за того, что нынешнее состояние техники действительно позволяет слишком легко устранить женскую “биологию”, и как бы тогда не пришлось вспомнить о комментариях Ханны Арендт по поводу подобной “эмансипации” или “равенства”, данных ею в 1972 г.: “На самом деле вопрос стоит так: что мы проиграем, если мы выиграем?” (цит. по: Young-Bruehl, 1982, p.513). Для мышления исторического, стремящегося понять прошлое, еще более важно, что подобные воззрения, будучи спроецированными в историю, становятся анахронизмом: они не выдерживают сопостав-

⁷ Доклады по женской истории перепечатаны в “Journal für Geschichte”, 1985, no.2; по “биологической” истории – в “Saeculum”, 1985, no.36.

ления с реальным опытом женщин. Во всяком случае, те 200 000 женщин, которые были стерилизованы при национал-социализме, ни в коей мере не воспринимали подобное снятие с них “биологического рока” как освобождение. Их пример, как и пример многих других жертв режима, продемонстрировал, что, вопреки распространенному мнению, расистская и сексистская “биология” занималась не столько постулированием неизменности, внеисторичности феноменов культуры, сколько (и прежде всего) перспективой изменения общества “биологическими” средствами. Точно так же ничего общего с женской “биологией” не имел факт смерти многих тысяч женщин от принудительной стерилизации, который пытались объяснить тем, что стерилизация у женщин по анатомическим причинам протекает драматичнее, чем у мужчин. Это было скорее результатом столкновения между представителями власти, проводившей национал-социалистскую расовую политику, в большинстве своем мужчинами, и их жертвами, половину которых составляли женщины. Именно те исторические исследования, которые иногда воспринимаются как исследования женской “биологии” – например, работы о материнстве, родах, повивальных бабках, кормилицах, проститутках, – показали, что и биологическое представление о женском теле (равно как и о мужском) зависит от соответствующих исторических и культурных воззрений (Suleiman, 1986; Gallagher and Laqueur, 1986; Epstein, 1987; Bock und Nobili, 1988; Knibiehler et Fouquet, 1980; Scholten, 1985; Leavitt, 1986; Pancino, 1984; Say-Sallos, 1980; Klapisch-Zuber, 1985; Hunecke, 1987; Walkowitz, 1980; Otis, 1985; Buttafuoco, 1985; Roper, 1985). Оно является вотчиной не “биологии”, а истории женщин и гендерной истории.

Понятие “пол” означает не вещь или предмет, не много вещей или предметов, а комплексное переплетение отношений и процессов. Необходимо “мыслить отношениями”, чтобы из аналитической категории пола вывести культурную реальность – как в прошлом, так и в настоящем. Что это означает в теоретическом философско-познавательном плане, объяснила, например, Дж.Флэкс. Мы же не будем останавливаться на философском подходе, а попытаемся на некоторых примерах показать, насколько полезным может быть такое понимание пола для историографии.

2. Пол как отношение, или гендерная история как история женщин

Взгляд на пол как на комплексное социальное отношение означает, что роль женщины в истории следует рассматривать не просто как новый для исторической науки предмет исследования, а как обойденный вниманием ученых вопрос об отношениях между людьми или группами людей. Говоря словами М.Розальдо, недавно умершей специалистки по антропологии, женщин “нужно рассматривать в их соотносительности с другими женщинами и мужчинами, а не с точки зрения различий и сегрегации” (Rosaldo, 1980, p.409; ср. также Perrot, 1981, p.574; Scott, 1987). Помимо ставшего элементарным требования интегрировать ис-

торию женщин во всеобщую историю, изучая при этом отношения между женщинами и мужчинами, эта формулировка указывает на важный и часто упускаемый из виду аспект: необходимо исследовать не только отношения между полами, но и отношения между представителями одного пола. До сих пор главным предметом историографических исследований были разного рода отношения между мужчинами, прежде всего политические, военные и экономические, но также, например, родственные и дружеские. Теперь стало очевидным, что столь же важно изучать отношения не только между мужчинами и женщинами, но и отношения между женщинами: например, между домашними хозяйками и служанками; между матерями и дочерьми; между матерями, кормилицами и акушерками, между работницами социального обеспечения и женщинами, лишенными средств к существованию; между миссионерками и представительницами колониальных народов; между женщинами, занятыми профессиональной и политической деятельностью. Сюда же относятся формы и содержание мышления, искусства, культуры у женщин, отношения дружбы и любви между женщинами (Smith-Rosenberg, 1985; Faderman, 1985; Cook, 1979; Rupp, 1980; "Signs", 1984, v.9, no.4: "The Lesbian Issue"; "Nuova donnawomanfemme", 1975, no.10/11: "Solidarieta, amicizia, amore"; "Nuova donnawomanfemme", 1985, no.23/24: "Amore proibito"; Segalen, 1980; Laget, 1982; Pancino, 1984; Walser, 1985; Wierling, 1987; Hill, 1985; Verdier, 1979).

Настаивать на изучении этих проблем необходимо, поскольку начиная с 1980-х годов тема "пол" (gender) прямо-таки угрожает превратиться в расхожую монету; с помощью новых взглядов и понятий пытаются смягчить борьбу вокруг женского вопроса. Гендерную историю с явным облегчением выдают за окончательное "преодоление" истории женщин: дорогу себе пробивает нейтральный в гендерном отношении общий разговор о полах. Но если "забыть", что открытие социальных, культурных и исторических отношений между полами произошло благодаря изучению взглядов женщин на мужчин и на других женщин, то окажется забытой и цель: сформировать не нейтральное к полу, а охватывающее оба пола представление об "истории в целом". История женщин есть история полов *par excellence*.

Когда речь идет о женщинах, понимание гендерной истории как истории отношений не только между полами, но и внутри каждого из полов оказывается далеко не самоочевидным. Это подтвердил в 1985 г. Л.Стоун, известный как автор книги "Семья, секс и брак" (Stone, 1979). При анализе данных вопросов гендерные отношения выходят на первый план, а женщины составляют половину исследованных групп людей⁸. В книжном обзоре, опубликованном в "New York Review of Books",

⁸ Несмотря на это, в перечне использованных Стоуном понятий присутствует ключевое слово "женщина", но отсутствует – "мужчина", т.е. мужчины – это нечто "всеобщее", а женщины – нечто "особое"; см. Stone, 1972, p.447.

Стоун выступил в роли бога историков, выдвинув для истории женщин “десять заповедей”, которых следовало бы – к удивлению историков – придерживаться “всегда и везде”. Первая из них гласила: “Не пиши о женщинах ничего, за исключением их отношений с мужчинами и детьми” (Stone, 1985, p.21). Стоун знал, что в новых исследованиях по женской проблематике речь идет о гендерных отношениях и их истории. Но он не понимал ни того, что о женщинах можно судить не только по их отношениям с мужчинами, ни того, что отношения женщин с женщинами столь же важны, как и женщин с мужчинами, ни того, что дети тоже не являются нейтральными в половом отношении существами, ни того, что и о мужчинах следует судить по их отношению к женщинам.

3. Гендерная история как история мужчин

Отношение мужчин к женщинам традиционно считалось частью “всеобщей” истории и если и рассматривалось с позиций гендерной истории, то в “специфически мужском” ракурсе – как история мужчин. В большинстве случаев, когда речь заходила о гендерной проблематике, подразумевался только женский пол и соответственно “женский вопрос”. Казалось, что мужчины – в той мере, в какой они доминировали в обществе, – находились вне гендерных отношений. Постоянно соотносить историю женщин также и с историей мужчин стало элементарным требованием, но до сих пор вряд ли можно сказать то же самое о привычке соотносить историю мужчин с историей женщин. В качестве примера можно привести историю военного дела и войн. До сих пор речь в ней шла исключительно о мужчинах, причем с достаточным основанием: ведь западный способ ведения войны – во всяком случае, в Европе – состоял в прямых столкновениях между группами мужчин. Однако исследования в этой области редко затрагивали специфически мужскую проблематику, например вопрос о взаимосвязи военного дела с историей мужественности (см., например, Jähns, 1880; Block, 1913; Howard, 1981; Elshtain, 1986, Kap.8). Кроме того, войны имеют огромное значение и для женщин, а соответственно – для отношений между полами и внутри полов. Можно также напомнить о военной символике и военном языке (имеющих резко выраженную гендерную окраску и содержание и употребляющихся как в освободительных, так и в агрессивных войнах), о женском движении за мир перед первой мировой войной, во время и после нее, а также о новых формах проституции в периоды первой и второй мировых войн (Gilbert, 1983; Costin, 1982; Wiltsher, 1985; Berkin and Lovett, 1980; Thébaud, 1986a; Hirshberg, 1986).

В Соединенных Штатах в последнее десятилетие получили распространение “исследования мужчин” (отчасти исторического характера), посвященные отношению мужчин к женщинам и мужчин к мужчинам. Авторами в большинстве случаев являются сами “заинтересованные лица”, т.е. мужчины. Некоторые авторы исследуют взаимосвязь

войны и такой социальной конструкции, как мужественность, которую невозможно понять в терминах “биологической” данности. Исследования мужчин демонстрируют теперь то же самое, что ранее уже показали исследования женщин: гендерная норма и гендерная реальность отнюдь не идентичны, и обе подвержены историческим изменениям. В XIX в., согласно одному французскому историку, мужественность означала для мужчин не только власть, но и страдания. Новые исследования открыли и отцовство как историческую тему. Некоторые работы, авторами которых выступают мужчины, инспирированы требованиями сопереживания специфически женского опыта (в частности, беременности и родов) и/или требованиями “мужских прав”, которые не только соответствуют феминистским требованиям женских прав, но отчасти и противоречат им (иного нельзя было и ожидать)⁹.

По сути дела, к истории мужчин относятся также и некоторые вопросы, которые еще продолжают числиться в рубрике “истории женщин”. Речь идет о тех сочинениях о женщинах, полах, сексуальности и семье, которые принадлежат перу известных философов и других интеллектуалов из числа мужчин и характеризуются определенным подходом и содержанием. Эту тематику относят не к женской, а к мужской истории по причинам, которые многократно обсуждались. Подобные сочинения выражают преимущественно мужской взгляд на женщин, и в большинстве случаев фиксируемое им представление о полах и отношениях между ними имеет не описательное, а нормативное и предписывающее значение. Заметим попутно, что нормы для женщин в большинстве своем не только отличаются от норм для мужчин, но и не соответствуют реальностям женской жизни. Чрезвычайно дифференцированный характер приобрело за последнее десятилетие изучение мужчин в аспекте интеллектуальной истории; оно выявило наличие комплексов и противоречий во взглядах различных мыслителей (Okin, 1979; Elshtain, 1981; 1982; 1986; Mortley, 1981; Loraux, 1981; Maclean, 1980; Saxonhouse, 1985; Pitkin, 1984; Bennent, 1985; Moreau, 1982; Nicholson, 1986; Pateman and Gross, 1986)¹⁰. Вместе с тем в методическом плане эти исследования заставили усомниться в созданной мужчинами на протяжении сотен лет историографии, которая исчерпывает себя описанием и повторением действительных и мнимых ужасов, интерпретируемых во враждебном женщинам духе. Отказываясь ставить вопрос об историческом контексте таких сочинений, об их социальном, политическом и культурном значении и об их месте во всей совокупности научных трудов, а также не желая изучать отноше-

⁹ Такова, например, критика обязанности отцов платить алименты и права женщин на заботу о детях, завоеванного в значительной мере женским движением прошлых лет; см: August, 1985. Ср. также: McKee and O'Brien, 1982; Roche, 1983; Martin, 1984, S.84ff; Tellenbach, 1976–1979; Knibiehler, 1987a.

¹⁰ О естественно-научном мышлении см. литературу в прим. 5, а также Jordanova, 1980; Newman, 1985.

ние к ним со стороны женщин-современниц, интеллектуальная история грешит анахронизмом¹¹. Если специалисты по интеллектуальной истории обращаются к философам-женщинам (как правило, менее известным, чем их коллеги-мужчины) или к мыслям и мнениям других женщин, то по вопросам гендерных и иных отношений обнаруживаются подчас значительные отличия их взглядов от взглядов мужчин. Примером может служить понятие “наталитет”, занимающее центральное место в произведениях Ханны Арендт, ее концепция человеческого плюрализма, находящего символическое выражение в плюрализме полов, или же тезис о “другом голосе” (“different voice”) женщин, который звучит “иначе”, но не менее весомо, чем голос мужчин, если речь идет о моральных оценках и ценностях (Elshtain, 1986, p.110ff; Arendt, 1967, S.15ff, 318; Gilligan, 1982)¹². Интеллектуальная история подтверждает тезис, что и история мужчин состоятельна, только если она соотносится с историей женщин и становится благодаря этому одним из аспектов истории полов.

4. Гендерная история и социальная история

Если понимать историю женщин и гендерную историю как историю социальных отношений, то в связи с этим возникает вопрос об их соотношении с социальной историей. Поскольку пол является социальной категорией, постольку вся история женщин и гендерная история относятся к социальной истории. Однако такой подход явно не вписывается в рамки возникшего в 1960-е годы направления, получившего название “новой социальной истории”. Основным предметом ее исследования выступают классы; соответственно и область “социального” она сводит к социальным классам или слоям, а всеобщую историю, по существу, к их истории. С точки зрения истории женщин у новой социальной истории, таким образом, было слишком узкое понимание социального как сферы отношений между людьми. Кроме того, чересчур частое сопряжение термина “социальный” со специфическими понятиями “класса” или “слоя” способствовало тому, что другие отношения, например расовые или гендерные, рассматривались как несоциальные, досоциальные или даже относились к “биологии”.

В последние годы среди историков развернулись дебаты по вопросу о соотношении между понятиями класса и пола. Часто звучало утверждение, что класс “важнее” пола: “Может быть, и существуют некоторые социально значимые общности женщин как женщин определен-

¹¹ Так, например, половая философия женщины, сформулированная Руссо, была воспринята отчасти с энтузиазмом, отчасти в критическом духе (ср. прим. 6). См. также Farge, 1987, p.30ff.

¹² См., например, материалы дебатов о полах и их отношениях в ранний период Нового времени, в которых участвовали многие авторы-женщины: Fahy, 1956; Maclean, 1977; Henderson and McManus, 1985; Shepard, 1985; Ferguson, 1986. Ср. также: Labalme, 1980; Brinks, 1980; Spender, 1982.

ной эпохи, но все же они несут на себе отпечаток конкретных и потому очень разнообразных факторов, обусловленных прежде всего именно принадлежностью к определенному классу или слою, – и это было и остается гораздо более важным для самосознания, жизненной практики, опыта и интересов большинства женщин, даже если имеется иной опыт их социализации и выделения в отдельную общественную группу. Разве молодая образованная дворянка в столице только что основанного Бисмарком рейха не имеет гораздо больше общего со своим примерно равным ей братом, чем с пожилой, вдовствующей, выросшей в крайней бедности, не умеющей ни читать, ни писать польской сезонной работницей, из тех, что можно было встретить в те времена каждыйм летом в Саксонии?» (Коска, 1981, S.104)¹³. Этот пример хотя и дает рельефное представление о реально существующих глубоких различиях между женщинами, однако при этом используются параметры, которые не имеют отношения к классовым различиям. Дворянка молодая, работница старая; дворянка образованна, работница не умеет читать и писать; дворянка не замужем, работница – вдова; дворянка – немка, работница – полька; дворянка живет в городе, работница – в деревне. Однако возраст, семейное положение, этническо-национальная принадлежность, городская или сельская среда не являются критериями классовыми, а в XIX в. уже и грамотность вряд ли может считаться таковым. Поскольку данная картина подтверждает, что женщины из рабочего класса жили плохо, а дворянкам хорошо, то эту картину можно и перевернуть. Например, сравним молодую, жизнерадостную немецкую домашнюю хозяйку, живущую в городе в счастливом браке с немецким рабочим, обладающим некоторой защищенностью благодаря социальному страхованию, и бедную вдову из кругов исчезающего польского шляхетства. Если этот пример и не говорит ничего о соотношении класса и пола, то все же в нем есть нечто другое, не менее важное. Различия между представителями одного пола столь же велики, как и между представителями одного класса; эти различия показывают, что ни класс, ни пол не являются однородными или хотя бы солидарными группами.

Одной из причин неоднородности классов является принадлежность к полу, так же как в число причин неоднородности полов входит принадлежность к классу. Поэтому историческое исследование женщин неизменно обращает внимание и на классовые аспекты, и уже имеются многочисленные исследования о работницах, женщинах из рабочих, буржуазных, дворянских семей. Но именно исследования классовой специфики позволили сформулировать два принципиальных методических положения: во-первых, зависимость определения параметров классового статуса от позиции историка и, во-вторых, различия в историческом опыте класса, обусловленные гендерной спецификой.

¹³ Попытка подчинить женский вопрос классовой концепции предпринята, например, в: Abelshausen, 1985, Kap.I.

Что касается первой проблемы, то параметры, определяющие классовую принадлежность женщин, в принципе отличаются от соответствующих критериев у мужчин, так как значимыми для них являются отнюдь не одни и те же факторы (например, размеры дохода или степень бедности, измерение которых показало бы очевидные разрывы между представителями разных классов, независимо от половой принадлежности). Ориентиром классовой принадлежности мужчин в значительной мере служит их отношение к капиталу, производству, рынку, их профессиональный статус, в то время как у женщин таким ориентиром являлось отношение к мужчинам своей семьи, чаще всего к супругам и отцам (и лишь изредка – отношение к своей профессии)¹⁴. Речь идет, таким образом, о критерии производном, выведенном из истории семейных отношений. Вследствие методической несостоятельности подобного “двойного стандарта” статус женщин попытались определять не по их мужчинам, а по ним самим, например, по их труду. Однако труд организуется (и оплачивается) не только в зависимости от специфики общественного слоя, но и от специфики пола. Именно в тот период времени, когда возникла социальная категория “класс”, т.е. с XIX в., неоплачиваемая домашняя работа (работа женщин на супругов, детей и других членов семьи) заняла центральное место в жизни подавляющего большинства женщин всех классов. Многочисленные исследования по этому вопросу показывают, что домашний труд, невзирая на его различия в разных слоях общества, столь же плохо сводится к классовым параметрам, как и многие другие важные явления гендерной истории¹⁵.

Что касается второй проблемы, то женщины определяют свою классовую принадлежность иначе, чем мужчины. Это видно не только на примере домашнего труда, но и на примере жен предпринимателей в Англии XIX в.: представление о “классе” у этих жен определялось их полом (интересно, что так же думали о них и мужья). Аналогично обстояло дело у жен буржуа во Франции XIX–XX вв. и у работниц в немецком кайзеровском рейхе. Последние по сравнению с мужчинами своего класса составляли непропорционально высокую долю среди объектов социальной помощи бедным, и история бисмарковского социального обеспечения выявляет существенные различия между женщинами и мужчинами в этой сфере (Davidoff and Hall, 1986; Smith, 1981; Коерпен, 1985; ср. также Newtown, 1983; Ostrander, 1986). Что касается женщин-дворянок, то примером могла бы послужить Кларисса Грейвс-Персеваль, принадлежавшая к одному из старейших дворянских родов Англии. В 1845 г. она вышла замуж за историка Леопольда

¹⁴ Поэтому женщины не вызывают большого интереса у авторов, занимающихся классовыми проблемами; ср., например, Wehler, 1979; попытку включить их в подобное исследование представляет, например, работа Dale, 1985.

¹⁵ Обзор новейшей литературы по истории домашнего труда можно найти в Vock, 1986a.

Ранке, происходившего из буржуазной семьи, и он получил право самостоятельно распоряжаться ее имуществом, составлявшим 2300 фунтов стерлингов (что сегодня эквивалентно сумме около 500 000 немецких марок). В результате он вошел в историю не только как один из самых крупных историков, но и как один из самых богатых (Bäcker-Ranke, 1967). При этом только через два десятилетия после женитьбы Ранке получил дворянство. Этот специфичный в социально-классовом отношении акт имел и важный гендерный аспект: ведь если бы Леопольд был женщиной, а Кларисса – мужчиной, то Леопольд сразу получил бы дворянство благодаря браку, хотя и был бы несколько менее богат. Мужчина мог переносить свое дворянство на супругу буржуазного происхождения, но женщина-дворянка не могла этого сделать в отношении супруга-буржуа. Женщины благородного звания были как бы чуть менее благородны, чем мужчины такого же звания (например, упомянутый выше брат берлинской девушки-дворянки).

Подводя итоги, можно сказать: в положении различных представителей одного пола столь же мало единообразного, как и в положении различных представителей одного класса. Пол в не меньшей степени, чем класс, является важной “контекстно специфической и контекстно зависимой” категорией и реальностью отношений как между социальными группами, так и внутри них.

В методологическом отношении история женщин и гендерная история выходят за рамки “новой социальной истории”, поскольку наряду с методами “новой социальной истории” (история семьи, исследования миграционных процессов, историческая демография, “устная история”) они используют также методы биографической, бытовой, политической, экономической истории, истории менталитетов, истории идей¹⁶. Оригинальность исторического исследования женщин и взаимоотношений полов заключается не в методах, а в постановке проблем и в открывающихся в этой связи перспективах. Лишь вслед за этим может идти речь о выявлении новых источников и реинтерпретации уже известных. Вместе с историками-итальянками можно было бы сказать, что для изучения каждого вопроса существуют более “горячие” и более “холодные” источники. При этом центральное место, как и вообще в историографической науке, занимает проблема критики источников¹⁷. Интересно, что именно в этой области исследования женщин выдвинули новые методические проблемы. Например, стало очевид-

¹⁶ Для сравнения см., например, дискуссию о соотношении истории женщин и истории семьи: Degler, 1980; Tilly, 1987; Caine, 1986.

¹⁷ Описания и обзоры источников см. в: Lerner, 1977, p.21; Williamson, 1979; Ritchee, 1980; Sveistrup und Zahn-Harnack, 1984; Deutscher Akademikerinnenbund, 1983–1987; Frey, 1982; Pomeroy, 1984; Gilbert and Tatla, 1985; “Women’s Studies Abstracts”, 1972ff; “The Women’s Review of Books”, 1983ff; Barrow, 1981; Weeks, 1980; Schatzberg, 1985. См. также издания источников: Hellerstein, 1981; Bell and Offen, 1983; Bogenschneider, 1983.

ным, что знания “о прошлом опыте женщин переданы нам главным образом через восприятие мужчин и несут на себе отпечаток системы ценностей, установленной мужчинами” (Lerner, 1977, р.ХХI). Поэтому сведения, почерпнутые как из известных, так и из вновь открытых источников, должны подвергаться критическому анализу с целью выяснения их происхождения (т.е. необходимо определять, исходят ли они от мужчин или от женщин), особенно в случаях, когда в них затрагивается гендерная проблематика. Примером мог бы послужить один источник 1940 г., описывающий период начала 1930-х годов: “Нужно было видеть на этих массовых собраниях передние скамьи, постоянно занятые во всех городах определенного типа пожилыми женщинами и девушками. Достаточно было увидеть сверху, с трибуны, эти вытаращенные от возбуждения, влажные и затуманенные глаза слушательниц, чтобы больше не оставалось сомнений в сущности этого восторга”, а именно в “восторженной, доходящей до псевдорелигиозного экстаза преданности женщин” Гитлеру (Rauschning, 1940). Этот пассаж часто использовался как источник для характеристики поведения женщин в те времена; в действительности же речь идет о высказывании, характеризующем прежде всего мужчин или, точнее, одного мужчину – автора¹⁸. Следовательно, история женщин и полов также должна придерживаться принципа, который зубрят на уроках латинского языка: “Помни существительного род, чтобы не было с ошибками хлопот”.

5. Гендерные и иные социально-культурные отношения

Из понимания пола как социально-культурного отношения вытекает и новый взгляд на его связь с другими (помимо классовых) социально-культурными отношениями, например с возрастом, сексуальностью, расой (или этносом и национальностью), культурой, языком, свободой, религией, семьей, экономикой. Эти отношения тоже часто рассматриваются в рамках своего рода конкурентной дихотомии, подобно обсуждавшейся выше “класс/пол”. Идет дискуссия о том, какие из них “подлиннее”, “реалистичнее”, “важнее”. Именно это имеет в виду, в частности, Стоун в своей седьмой заповеди, когда пишет: “Не нужно преувеличивать значение пола в истории по сравнению со значением власти, статуса и богатства, даже если у всех женщин одинаковая биологическая судьба” (Stone, 1985). Однако утверждение, что нейтральные (внешне) в гендерном отношении факторы важнее, чем четко выраженные “биологические” различия, не учитывает, что каждый из названных факторов имеет разное историческое значение для женщин и для мужчин, причем это справедливо как для отдельных женщин, так и для групп женщин и для женского пола в целом. Это отчетливо проявляется, например, когда речь идет о “власти” и “богатстве”, хотя в

¹⁸ То обстоятельство, что “беседы” автора были большей частью выдуманы, отнюдь не уменьшает значения сказанного. См. также Sternheim-Peters, 1981.

случае с “властью”, быть может, и не столь явно, ибо обычно мужчины имеют больше власти, чем женщины, и, кроме того, обладают властью над последними. Важнее, наверное, то, что за фасадом формального распределения власти между полами женщины обладали также и собственными видами власти, которые зачастую имели неформальный характер. Эти виды власти – или, как говорят французские женщины-историки, “эти власти” – могли проявляться по-разному: например, как участие в системе власти мужчин, как власть над мужчинами, как власть над другими женщинами, как способ самоутверждения женщины. Исследования по истории женщин способствовали тому, что феномен “власти” стал рассматриваться более дифференцированно, чем до сих пор (Perrot, 1987, p.205–222; Dauphin, 1986, p.282ff; см. также Bordin, 1981; Rogers, 1975). В случае с “богатством” специфически гендерное измерение совершенно очевидно. Женщины как социальная группа имеют более низкие доходы, чем мужчины (по крайней мере, так обстояло дело в XIX–XX вв.), что объясняется тремя разными причинами: в качестве домохозяйек они не имеют никакого дохода, в качестве работников низшей и средней квалификации они получают меньше, чем мужчины, занимающие аналогичные позиции (масштаб разрыва в доходах зависит от места и времени), а среди работников высшей квалификации они составляют пренебрежимо малую долю (например, среди преподавателей истории в высших учебных заведениях Федеративной Республики Германии женщины составляют 4%). Традиционно значительно больше женщин, чем мужчин, принадлежит к числу бедных, т.е. бедность является следствием не только классовой, но и гендерной или этнической принадлежности (см., например, Köppen, 1985; Bäcker-Ranke, 1967; Fischer, 1982; Thane, 1982; Scott, 1984; “Signs”, 1984, v.10, no.2: “Women and Poverty”; Bock, 1985; “Quaderni Storici”, 1983, no.53; Cavallo, 1980; Ferrante, 1986; Lombardi, 1988; Hunecke, 1983).

Однако необходимо выйти за рамки констатации, что всякое социальное отношение различно для женщин и мужчин, и сказать следующее: каждый отдельный, представляющийся нейтральным в гендерном смысле тип отношений между людьми определяется в том числе и отношениями полов – последние являются конституирующим фактором для первых. Например, историю религии – от античных богов до богов XX в. – во многих аспектах совершенно невозможно понять, придерживаясь нейтральной в гендерном смысле точки зрения. То же самое можно сказать о проблемах этнических меньшинств. Относительно большое место тема гендерной истории меньшинств занимает в исследованиях женщин в Соединенных Штатах, а с недавних пор и в Германии ведется изучение истории евреек, цыганок, негритянок и других женщин, подвергавшихся дискриминации по расовому признаку. Она отличается как от истории женщин этнического большинства, так и от истории мужчин, принадлежавших к соответствующим этническим меньшинствам (см. библиографию в Pomeroy, 1984; Bass and

Boyd, 1986; Vynum, 1982; Kaufmann, 1983, S.250–275; Clear, 1987; Cantor, 1987; Richarz, 1985; Jones, 1986; Weatherford, 1986). Сам расистский язык, прямо-таки одержимый проблемами пола и вопросами принадлежности к полу, содержит своеобразную мешанину сексуальности, крови и насилия; ставя диагноз национал-социалистской ненависти к евреям, современники правомерно квалифицировали ее и как “сексуальный антисемитизм”. Историки европейского, в особенности немецкого, расизма, а точнее, историки-мужчины из числа его жертв показали, что в расистской картине мира “арийцем” или соответственно “нордическим человеком” был “европеец мужского пола” (Mosse, 1978, S.96, 103; Poliakov, 1977, S.317; Comité des Délégations Juives, 1983, p.468). Расизм нельзя понять без учета его историко-гендерного измерения. И наоборот, если при изучении отношений между полами (или соответственно сексизма) используется и анализ расовых отношений (или соответственно расизма), то могут быть получены новые и неординарные выводы: например, что специфическими для национал-социалистской политики по отношению к женщинам были не “пронаatalизм и культ матери”, а антиnatalизм, культ отца и мужчины и – как конституирующий элемент национал-социалистской “расовой борьбы” – массовые убийства именно женщин¹⁹.

Резюмируя изложенное, можно сказать: история – это история не только мужского, но и женского жизненного опыта. Ее следовало бы изучать не только с точки зрения мужчин (или во внешне нейтральной по отношению к гендерной проблематике перспективе), но и с точки зрения женщин и с позиции гендерной истории – говоря словами Хладениуса, дошедшими до нас из XVIII в., “с точки зрения женщины, детерминированной каждый раз состоянием их тела, их души и всей их личности в той же мере, как и у мужчин”. Дело не в том, чтобы на принимаемое в качестве постулата утверждение, что негендерные отношения между людьми являются исторически гораздо более значимыми, ответить простой перестановкой слов с обратным смыслом, утверждая, что женщины или соответственно гендерные отношения важнее, чем все остальное (хотя, бесспорно, подобная гипотеза стимулировала многие открытия в истории). Суть дела, скорее, в том, что исследования по истории женщин, в которых гендерные отношения предстали как автономная историческая величина, открыли новые перспективы. В ходе этих исследований было установлено, что гендерные отношения столь же важны, как и все прочие типы человеческих отношений; они воздейст-

¹⁹ См. Вокс, 1986b; 1987. Ср. Jäckel, 1986: “...Национал-социалистское уничтожение евреев потому было единственным в своем роде, что никогда прежде государство не решало на уровне своего ответственного лидера и не провозглашало его устами задачу как можно более полного истребления определенной группы людей, включая стариков, женщин, детей и младенцев, и не приводило это решение в исполнение всеми имеющимися у него силовыми средствами”.

вуют на них и участвуют в их формировании. Исключение отношений между полами из “великих вопросов” истории²⁰ перекрывает дорогу к высотам познания. Настаивать на том, что другие измерения “важнее”, чем пол,— в идеологическом и историческом плане занятие непродуктивное.

ЛИТЕРАТУРА

- Abelshausen W. et al.** Deutsche Sozialgeschichte 1914–1945. München, 1985.
- Albistur M.** Catalogue des archives Marie-Louise Bouglé (Bibliothèque historique de la ville de Paris). Paris, 1982.
- Arendt H.** Vita activa. München, 1967.
- August E.R.** Men's Studies: A Selected and Annotated Interdisciplinary Bibliography. Littleton (CO), 1985.
- Bäcker-Ranke G.** Rankes Ehefrau Clarissa geb. Graves-Perceval. Göttingen, 1967.
- Barrow M.** Women 1870–1928: A Select Guide to Printed and Archival Sources in the U.K. London, 1981.
- Bass D.C. and Boyd S.H.** Women in American Religious History: An Annotated Bibliography and Guide to Sources. Boston, 1986.
- Bell S.G. and Offen K.M. (eds.).** Women, Family and Freedom. The Debate in Documents. Vol.1: 1750–1880. Vol.2: 1880–1950. Stanford, 1983.
- Bennett H.** Galanterie und Verachtung. Eine philosophiegeschichtliche Untersuchung zur Stellung der Frau in Gesellschaft und Kultur. Frankfurt, 1985.
- Berkin C.R. and Lovett C.M. (eds.).** Women, War and Revolution. New York, 1980.
- Berti M.L.** La storia delle donne oggi // Storia in Lombardia, 1985, no.2, p.125–142.
- Bleier R.** Science and Gender: A Critique of Biology and Its Theories about Women. Elmsford; New York, 1984.
- Bloch M. and Bloch J.H.** Women and the Dialectics of Nature in 18th Century French Thought. In: C.MacCormack and M.Strathern (eds.). Nature, Culture and Gender. Cambridge, 1980, p.25–41.
- Block W.** Die Condottieri: Studien über die sogenannten “unblutigen Schlachten”. Berlin, 1913.
- Bock G.** Frauenräume und Frauenlehre: Frühneuzeitliche Armenfürsorge in Italien // Journal für Geschichte, 1985, Nr.2, S.22–29.
- Bock G.** Scholars' Wives, Textile Workers and Female Scholars' Work: Historical Perspectives on Working Women's Lives. In: W.Maihofer (ed.). Noi si mura. Florenz, 1986a, p.569–578.
- Bock G.** Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. Opladen, 1986b.
- Bock G.** “Difference” and “Equality”: Gender Relations in Nazi State Racism. Paper presented at the conference “Gender and the State”, Berlin, July 1987.
- Bock G. et Nobili G. (eds.).** Il corpo delle donne: immagini e realtà storiche. Ancona, 1988.

²⁰ Юрген Кокка относит к “великим вопросам” “образование государств и классов, религии, церкви и нации, индустриализацию и капитализм, революции, принципиальные причины и последствия национал-социализма и немецкую специфику в свете компаративных исследований” (Кокка, 1986a; 1986b).

- Bogensneider D.R. (ed.)**. The Gerritson Collection of Women's History, 1543–1945: A Bibliographic Guide to the Microform Collection. 3 vols. Sanford (NC), 1983.
- Bordin R.** Woman and Temperance: The Quest for Power and Liberty, 1873–1900. Philadelphia, 1981.
- Brinks J.R. (ed.)**. Female Scholars: A Tradition of Learned Women before 1800. Montréal, 1980.
- Buttafuoco A.** Le Mariuccine. Storia di un'istituzione laica – l'Asilo Mariuccia. Milano, 1985.
- Bynum C.W.** Jesus as Mother. Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. Berkeley, 1982.
- Caine B.** Family History as Women's History: The Sisters of Beatrice Webb // Feminist Studies, 1986, no.12, p.294–319.
- Cantor A.** The Jewish Woman, 1900–1985: A Bibliography. Fresh Meadows (New York), 1987.
- Cavallo S.** Assistenza femminile e tutela dell'onore nella Torino del XVIII secolo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi, 1980, no.14, p.127–155.
- Chladenius J.M.** Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften. Düsseldorf, 1969 [1742].
- Chladenius J.M.** Allgemeine Geschichtswissenschaft, worinnen der Grund zu einer neuen Einsicht in allen Arten der Gelehrtheit gelegt wird. Leipzig, 1752.
- Clear C.** Walls Within the Walls: Nuns in 19th-Century Ireland. In: Ch.Curtin et al. (eds.). Gender in Irish Society. Galway, 1987.
- Comité des Délégations Juives.** Die Lage der Juden in Deutschland 1933. Frankfurt, 1983 [1934].
- Cook B.W.** Female Support Networks and Political Activism. New York, 1979.
- Corbin A.** Le “sexe en deuil” et l'histoire des femmes au XIX siècle. In: Histoire des femmes. Paris, 1987, p.141–154.
- Costin B.** Feminism, Pacifism, Internationalism and the 1915 International Congress of Women // Women's Studies International Forum, 1982, no.5, p.301–315.
- Dale A. et al.** Integrating Women into Class Theory // Sociology, 1985, no.19, p.384–409.
- Davidoff L. and Hall C.** Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780–1850. London, 1986.
- Davis N.** Gender and Genre: Women as Historical Writers, 1400–1820. In: P.H.Labalme (ed.). Beyond Their Sex: Learned Women of the European Past. New York, 1980, p.153–182.
- Davis N.Z.** Women's History as Women's Education. In: N.Z.Davis and J.Scott. Women's History as Women's Education. Northampton (MA), 1985, p.7–17.
- Davis N.Z.** “Women's History” in Transition: The European Case // Feminist Studies, 1976, no.3, p.83–103. Rprt. in: N.Z.Davis. Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Berlin, 1986.
- Dauphin C. et al.** Culture et pouvoir des femmes: Essai d'historiographie // Annales E.S.C., 1986, no.41, p.271–293.
- Degler C.N.** Is There a History of Women? London, 1975.
- Degler C.N.** Women and the Family. In: M.Kammen (ed.). The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the US. Ithaca, 1980, p.308–326.
- “**Denjyske Historiker**”, 1980, no.18.
- Deutscher Akademikerinnenbund.** Die Frauenfrage in Deutschland: Bibliographie 1931–1980. München, 1982.

- Deutscher Akademikerinnenbund.** Die Frauenfrage in Deutschland: Bibliographie. Neue Folge. Bd.1-3. München, 1983-1987.
- Di Cori P.** Einleitung // Memoria, 1985, no.15: "Culture del femminismo".
- Elshtain J.B.** Public Man, Private Woman: Women in Social and Political Thought. Princeton, 1981.
- Elshtain J.B. (Hg.).** The Family in Political Thought. Brighton, 1982.
- Elshtain J.B.** Meditations on Modern Political Thought: Masculine/Feminine Themes from Luther to Arendt. New York, 1986.
- Epstein J.** The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction. Boston, 1987.
- Faderman L.** Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. London, 1985.
- Fahy C.** Three Early Renaissance Treatises on Women // Italian Studies, 1956, no.11, p.30-55.
- Farge A.** Pratique et effets de l'histoire des femmes. In: Histoire des femmes. Paris, 1987, p.17-35.
- Fausto-Sterling A.** Myths of Gender. Biological Theories about Women and Men. New York, 1986.
- Ferguson M.** Feminist Polemic: British Women's Writings in English from the Late Renaissance to the French Revolution // Women's Studies International Forum, 1986, no.9, p.451-464.
- Ferrante L.** "Malmaritate" tra assistenza e punizione (Bologna secc. XVI-XVII). In: Forme soggetti dell'intervento assistenziale in una città di antico regime. Bologna, 1986, p.65-109.
- Firestone S.** The Dialectic of Sex. The Case for Feminist Revolution. Toronto, 1970.
- Fischer W.** Armut in der Geschichte. Göttingen, 1982.
- Flax J.** Moira Gatens, A Critique of the Sex/Gender Distinction. In: J.Allen and P.Patton (eds.). Beyond Marxism. Sydney, 1983, p.143-160.
- Flax J.** Gender as a Problem: In and For Feminist Theory // Amerikastudien/ American Studies, 1986, no.31, p.193-213.
- Fox-Genovese E.** Placing Women's History in History // New Left Review, 1982, no.133, p.5-29.
- Frey L.S. et al.** Women in Western European History: A Select Chronological, Geographical and Topical Bibliography from Antiquity to the French Revolution. Brighton, 1982.
- Fueter E.** Geschichte der neueren Historiographie. München, 1925.
- Gallagher C. and Laqueur T. (eds.).** The Making of the Modern Body: Sexuality and the Social Body in the 19th Century // Representations, v.14 (special edition), 1986.
- Gebser A.** Die Bedeutung der Kaiserin Kunigunde für die Regierung Heinrichs II. Berlin, 1897.
- Gilbert S.M.** Soldier's Heart: Literary Men, Literary Women, and the Great War // Signs, 1983, no.8, p.422-450.
- Gilbert V.F. and Tatla D.S.** Women's Studies: A Bibliography of Dissertations 1870-1982. Oxford, 1985.
- Gilligan C.** In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (MA), 1982.
- Hausen K. (Hg.).** Frauen suchen ihre Geschichte. Historische Studien zum 19. und 20. Jahrhundert. München, 1983.
- Heineken J.** Die Anfänge der sächsischen Frauenklöster. Göttingen, 1909.

- Heinrich K.** Tertium datur. Eine religionsphilosophische Einführung in die Logik. Basel, 1981.
- Hellerstein E.O. et al. (eds.).** Victorian Women. A Documentary Account of Women's Lives in 19th Century England, France and the United States. Stanford, 1981.
- Henderson K.U. and McManus B.F.** Half-Humankind. Contexts and Texts of the Controversy about Women in England, 1540–1650. Urbana, 1985.
- Hill P.R.** The World Is Their Household: The American Women's Foreign Mission Movement. Ann Arbor, 1985.
- Hirshberg L.** Women, War, and Peace: A Selected Bibliography and Filmography. New Brunswick, 1986.
- “Historik tidskrift”**, 1980, no.3; 1987, no.1.
- “Historievidenskab”**, 1980, no.21.
- Hoder-Salmon M.** Collecting Scholars' Wives // Feminist Studies, 1978, no.4, p.107–114.
- Howard M.** Der Krieg in der europäischen Geschichte. Vom Ritterheer zur Atomstreitmacht. München, 1981.
- Hufton O. and Scott J.W.** Women in History // Past and Present, 1983, no.101, p.125–157.
- Hughes D.O.** Invisible Madonnas? The Italian Historiographical Tradition and the Women of Medieval Italy. In: S.M.Stuard (ed.). Women in Medieval History and Historiography. Philadelphia, 1987, p.25–57.
- Hunecke V.** Überlegungen zur Geschichte der Armut im vorindustriellen Europa // Geschichte und Gesellschaft, 1983, Nr.9, S.480–512.
- Hunecke V.** Die Findelkinder von Mailand. Stuttgart, 1987.
- Jäckel E.** Die elende Praxis der Untersteller // Die Zeit, Septembere 1986, Nr.12.
- Jähns M.** Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance. Leipzig, 1880.
- Jones J.** Labor of Love, Labor of Sorrow: Black Women, Work and the Family from Slavery to the Present. New York, 1985.
- Johansson S.R.** “Herstory” as History: A New Field or Another Fad? In: B.A.Carroll (ed.). Liberating Women's History. Urbana, 1976, p.400–430.
- Jordanova L.J.** Natural Facts: A Historical Perspective on Science and Sexuality. In: C.MacCormack and M.Strathern (eds.). Nature, Culture and Gender. Cambridge, 1980, p.42–69.
- “Journal für Geschichte”**, 1985, Nr.2.
- Kaufmann D.** Vom Vaterland zum Mutterland: Frauen im katholischen Milieu der Weimarer Republik. In: K.Hausen (Hg.) Frauen suchen ihre Geschichte. Historische Studien zum 19. und 20. Jahrhundert. München, 1983, S.250–275.
- Keller E.F.** Reflections on Gender and Science. New Haven, 1985.
- Kelly-Gadol J.** The Social Relation of the Sexes: Methodological Implications of Women's History // Signs, 1976, no.1, p.809–824.
- Klapisch-Zuber C.** Women, Family and Ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985.
- Knibiehler Y. et Fouquet C.** L'histoire des mères du moyen âge à nos jours. Paris, 1980.
- Knibiehler Y.** Les pères aussi ont une histoire. Paris, 1987a.
- Knibiehler Y.** Chronologie et histoire des femmes. In: Histoire des femmes. Paris, 1987b, p.50–57.
- Kocka J.** Frauengeschichte zwischen Wissenschaft und Ideologie // Geschichtsdidaktik, 1981, Nr.7, S.99–104.

- Kocka J.** Hitler sollte nicht durch Stalin und Pol Pot verdrängt werden // Frankfurter Rundschau, Septembere 1986a, Nr.23.
- Kocka J.** Die Frauengeschichte als Teilbereich der Sozialgeschichte. In: J.Kocka. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986b, S.139–141.
- Köppen R.** Die Armut ist weiblich. Berlin, 1985.
- Koselleck R.** "Geschichte" als moderner Leitbegriff // Geschichte Grundbegriffe, 1975, Bd.2.
- Koselleck R.** Standortbindung und Zeitlichkeit. In: R.Koselleck. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt, 1984, S.176–207.
- Labalme P.** Beyond their Sex: Learned Women of the European Past. New York; London, 1980.
- Laget M.** Naissances: L'accouchement avant l'âge de la clinique. Paris, 1982.
- Lambert H.H.** Biology and Equality // Signs, 1978, no.4, p.97–117.
- Lamphere L. and Rosaldo M.Z. (eds.).** Woman, Culture and Society. Stanford, 1974.
- Leavitt J.W.** Brought to Bed: Child-Bearing in America, 1750–1950. Oxford, 1986.
- Lerner G.** The Female Experience. An American Documentary. Indianapolis, 1977.
- Lerner G.** The Majority Finds Its Past. Placing Women in History. New York, 1979.
- Lewis J.** Women Lost and Found: The Impact of Feminism on History. In: D.Spender (ed.). Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. Oxford, 1981, p.55–72.
- Lombardi D.** Povertà maschile, povertà femminile nella Firenze dei Medici. Bologna, 1988.
- Loraux N.** Les enfants d'Athéna: idées athéniennes sur la citoyenneté et la division des sexes. Paris, 1981.
- Lowe M. and Hubbard R. (eds.).** Woman's Nature. Rationalizations of Inequality. New York, 1983.
- MacCormack C. and Strathern M. (eds.).** Nature, Culture and Gender. Cambridge, 1980.
- Maclean I.** Woman Triumphant. Feminism in French Literature 1610–1652. Oxford, 1977.
- Maclean I.** The Renaissance Notion of Woman: A Study in the Fortunes of Scholasticism and Medical Science in European Intellectual Life. Cambridge, 1980.
- Martin J.** Zur Stellung des Vaters in antiken Gesellschaften. In: H.Süssmuth (Hg.). Historische Anthropologie. Göttingen, 1984.
- Mathieu N.C.** Ignored by Some, Denied by Others: The Social Sex Category in Sociology. London, 1978.
- "Memoria: Rivista di storia delle donne"**, 1981, no.2: "Piccole e grandi diversità".
- "Memoria: Rivista di storia delle donne"**, 1983, no.9: "Sulla storia delle donne".
- McKee L. and O'Brien M. (eds.).** The Father Figure. London, 1982.
- Moreau T.** Le sang de l'histoire. Michelet, l'histoire et l'idée de la femme au XIXe siècle. Paris, 1982.
- Mortley R.** Womanhood: The Feminine in Ancient Hellenism, Gnosticism, Christianity, and Islam. Sydney, 1981.
- Mosse G.L.** Rassismus. Königstein, 1978.
- Newman L.M. (ed.).** Men's Ideas/Women's Realities: Popular Science, 1870–1915. New York, 1985.

- Newtown J.L et al. (eds.).** Sex and Class in Women's History. London, 1983.
- Nicholson L.J.** Gender and History. The Limits of Social Theory in the Age of the Family. New York, 1986.
- "Nuova donnawomanfemme"**, 1975, no.10/11: "Solidarietà, amicizia, amore".
- "Nuova donnawomanfemme"**, 1983, no.22: "Percorsi del femminismo e storia delle donne".
- "Nuova donnawomanfemme"**, 1985, no.23/24: "Amore proibito".
- Oguntoye K. et al. (Hg.).** Farbe bekennen: Afro-deutsche Frauen. Auf den Spuren ihrer Geschichte. Berlin, 1986.
- Offen K.** The Beginnings of "Scientific" Women's History in France, 1830–1848. In: Proceedings of the 11th Annual Meeting of the Western Society for French History, 3–5 November, 1983. Lawrence (Kansas), 1984, p.255–271.
- Okin S.M.** Women in Western Political Thought. Princeton, 1979.
- Opitz C.** Der "andere Blick" der Frauen in der Geschichte. In: Zentraleinrichtung zur Förderung von Frauenstudien und Frauenforschung an der Freien Universität Berlin (Hg.). Methoden in der Frauenforschung. Berlin, 1985, S.76–93.
- Ortner S.B. and Whitehead H. (eds.).** Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality. Cambridge (Mass.), 1981.
- Ostrander S.A.** Women of the Upper Class. Philadelphia, 1986.
- Otis L.H.** Prostitution in Medieval Society: The History of an Urban Institution in Languedoc. Chicago, 1985.
- Pancino C.** Il bambino e l'acqua sporca: Storia dell'assistenza al parto dalle mammane alle ostetriche (secoli XVI–XIX). Milano, 1984.
- Pateman C. and Gross E. (eds.).** Feminist Challenges: Social and Political Theory. Sydney, 1986.
- "Pénélope"**, 1985, no.12: "Mémoires des femmes".
- "Pénélope"**, 1985, no.13: "Vieillesse des femmes".
- Perrot M.** Sur l'histoire des femmes en France // Revue du Nord, 1981, no.63, p.569–579.
- Perrot M. (ed.).** Une histoire des femmes est-elle possible? Paris, 1984.
- Perrot M.** Les femmes, le pouvoir, l'histoire. In: Histoire des femmes. Paris, 1987, p.205–222.
- Pitkin H.F.** Fortune is a Woman. Gender and Politics in the Thought of Niccolò Machiavelli. Berkeley, 1984.
- Pocock J.G.A.** The Origins of Study of the Past: A Comparative Approach // Cambridge Social Science History, 1961, no.4, p.209–246.
- Poliakov L.** Der arische Mythos. Wien, 1977.
- Pomeroy S.B et al.** Selected Bibliography on Women in Classical Antiquity. In: J.Peradotto and J.P.Sullivan (eds.). Women in the Ancient World: The Arethusa Papers. Albany (New York), 1984, p.315–372.
- Puhle H.-J.** Warum gibt es so wenige Historikerinnen? // Geschichte und Gesellschaft, 1981, Nr.7, S.364–393.
- "Quaderni Storici"**, 1980, no.44: "Parto e maternità: momenti della biografia femminile".
- "Quaderni Storici"**, 1983, no.53: "Sistemi di carità: esposti e internati nella società di antico regime".
- Rapp R.** Anthropology // Signs, 1979, no.4, p.497–513.
- Rauschnig H.** Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940.
- Richarz M.** Vom Kramladen an die Universität: Jüdische Bürgerfamilien des späten 19. Jahrhunderts // Journal für Geschichte, 1985, Nr.2, S.42–49.
- Ritchee M.** Women's Studies: A Checklist of Bibliographies. London, 1980.

- Ritter J. (Hg.)**. Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd.3. Darmstadt, 1974.
- Roche D.** L'amour paternel à Paris au XVIIe siècle // Annales de Démographie Historique, Paris, 1983, p.73–80.
- Rodenwaldt E.** Untersuchungen über die Biologie des venezianischen Adels // Homo, 1957, Nr.8, S.1–26.
- Rogers S.C.** Female Forms of Power and the Myth of Male Dominance // American Ethnologist, 1975, no.2, p.727–756.
- Rogers S.C.** Woman's Place: A Critical Review of Anthropological Theory // Cambridge Social Science History, 1978, no.20, p.123–62.
- Roper L.** Discipline and Respectability: Prostitution and the Reformation in Augsburg // History Workshop, 1985, no.19, p.3–28.
- Rosaldo M.Z.** The Use and Abuse of Anthropology // Signs, 1980, no.5, p.389–417.
- Rousseau J.-J.** Emile ou De l'éducation. In: J.-J.Rousseau. Oeuvres complètes. Bd.3. Paris, 1971.
- Rubin G.** The Traffic in Women. In: R.R.Retter (ed.). Toward an Anthropology of Women. New York, 1975, p.157–210.
- Rupp L.J.** "Imagine my Surprise": Women's Relationships in Historical Perspective // Frontiers. A Journal of Women Studies, 1980, no.5, p.61–70.
- "Saeculum"**, 1985, no.36.
- Say-Sallois F.** Les nourrices à Paris au XIXe siècle. Paris, 1980.
- Saxonhouse A.W.** Women in the History of Political Thought: Ancient Greece to Machiavelli. Westport, 1985.
- Schatzberg K.** Frauenarchive und Frauenbibliotheken. Göttingen, 1985.
- Scholten C.M.** Childbearing in American Society, 1650–1850. Ann Arbor, 1985.
- Schwartz J.** The Sexual Politics of Jean-Jacques Rousseau. Chicago, 1984.
- "Schweizerische Zeitschrift für Geschichte"**, 1984, no.34: "Frauen: Zur Geschichte weiblicher Arbeits- und Lebensbedingungen in der Schweiz".
- Scott A.F.** Woman's Place is in the History Books. In: A.F.Scott. Making the Invisible Woman Visible. Urbana, 1984, p.361–370.
- Scott H.** Working Your Way to the Bottom: The Feminization of Poverty. London, 1984.
- Scott J.W.** Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review, 1987, no.92, p.1053–1075.
- Segalen M.** Mari et femme dans la société paysanne. Paris, 1980.
- Shepard S. (ed.)**. The Women's Sharp Revenge: Five Women's Pamphlets from the Renaissance. New York, 1985.
- Sicherman B. and Recent U.S.** Scholarship on the History of Women. A Report at the XV International Congress of Historical Sciences, Bukarest, 1980.
- "Signs"**, 1984, v.9, no.4: "The Lesbian Issue".
- "Signs"**, 1984, v.10, no.2: "Women and Poverty".
- Sklar K.K.** American Female Historians in Context, 1930–1970 // Feminist Studies, 1975, no.3, p.171–184.
- Smith B.G.** Ladies of the Leisure Class. The Bourgeoises of Northern France in the 19th Century. Princeton, 1981.
- Smith B.G.** The Contribution of Women to Modern Historiography in Great Britain, France, and the United States, 1750–1940 // American Historical Review, 1984a, no.89, p.709–732.
- Smith B.G.** Seeing Mary Beard // Feminist Studies, 1984b, no.10, p.399–416.
- Smith-Rosenberg C.** Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America. New York, 1985.

- Spender D.** Women of Ideas and What Men Have Done to Them from Aphra Behn to Adrienne Rich. London, 1982.
- Sternheim-Peters E.** Brunst, Ekstase, Orgasmus: Männerphantasien zum Thema "Hitler und die Frauen" // Psychologie heute, 1981, Nr.8/7, S.36–41.
- Stone L.** The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. Harmondsworth, 1979.
- Stone L.** Only Women // The New York Review of Books, April 1985, no.11.
- Sveistrup H. und Zahn-Harnack A.** Die Frauenfrage in Deutschland, Strömungen und Gegenströmungen, 1790–1930: sachlich geordnete und erläuterte Quellenkunde (1934). München, 1984.
- Suleiman S.R. (Hg.).** The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986.
- Tellenbach H. (Hg.).** Vaterbilder. 4 Bde. Stuttgart, 1976–1979.
- Thane P.** The Foundations of the Welfare State. London, 1982.
- Thébaud F.** La femme au temps de la guerre de 14. Paris, 1986a.
- Thébaud F.** Quand nos grand-mères donnaient la vie: la maternité en France dans l'entre-deux-guerres. Lyon, 1986b.
- Thirsk J.** Foreword. In: M.Prior (Hg.). Women in English Society, 1500–1800. London, 1985, p.1–21.
- Tilly L.A.** Women's History and Family History: Fruitful Collaboration or Missed Connection? // Journal of Family History, 1987, no.12, p.303–315.
- Tomaselli S.** The Enlightenment Debate on Women // History Workshop, 1985, no.20, p.101–124.
- Verdier Y.** Faisons de dire, faisons de faire: La laveuse, la couturière, la cuisinière. Paris, 1979.
- Walkowitz J.R.** Prostitution and Victorian Society: Women, Class, and the State. Cambridge, 1980.
- Walser K.** Dienstmädchen: Frauenarbeit und Weiblichkeitsbilder um 1900. Frankfurt, 1985.
- Weatherford D.** Foreign and Female: Immigrant Women in America 1840–1930. New York, 1986.
- Weeks J.** A Survey of Primary Sources and Archives for the History of Early 20th Century English Women. In: B.Kanner (ed.). The Women of England from Anglo-Saxon Times to the Present. Interpretive Bibliographic Essays. London, 1980, p.388–418.
- Wehler H.-U. (Hg.).** Klassen in der europäischen Sozialgeschichte. Göttingen, 1979.
- Wierling D.** Mädchen für alles: Arbeitsalltag und Lebensgeschichte städtischer Dienstmädchen um die Jahrhundertwende. Berlin, 1987.
- Williamson J.** New Feminist Scholarship: A Guide to Bibliographies. Old Westbury, 1979.
- Wiltsher A.** Most Dangerous Women: Feminist Peace Campaigners of the Great War. Henley-on-Thames, 1985.
- "Women's Studies Abstracts"**, 1972ff.
- "The Women's Review of Books"**, 1983ff.
- Young-Bruehl E.** Hanett Arendt: For Love of the World. New Haven, 1982.